

Анджей Кузьневич — один из выдающихся польских писателей старшего поколения. Недавно ему исполнилось 75 лет. Хотя он дебютировал в литературе в пятидесятилетнем возрасте, первые же его романы («Коррупция», «Эроика») принесли ему заслуженный успех. Сейчас на счету А. Кузьневича около десятка книг. За свои произведения он удостоен Государственной премии ПНР первой степени. Без этих книг ныне трудно представить себе современную польскую прозу.

Его романы не залеживаются в магазинах: ни в Варшаве, ни в Кракове мне не удалось обнаружить их на прилавках. А ведь произведения А. Кузьневича не отнесешь к разряду легкого, зачитываемого чтения. Скорее наоборот, они требуют от читателя известной интеллектуальной подготовленности и определенного настроения души, «предрасположения», как говорил Я. Ивашкевич.

Многообразие творческих интересов Кузьневича-романиста, свободно обращающегося в своих книгах к отдаленным историческим эпохам и к проблематике наших дней, подчас ставило рецензентов в тупик. Они затруднялись, куда зачислить писателя: в разряд ли исторических романистов или же авторов, занятых актуальной тематикой? Думается, однако, прав критик газеты «Трибуна людю» Антони Хойнацкий, который не без основания назвал А. Кузьневича «писателем, обращенным к современности, более того, писателем политическим», добавив, что в исследовании самых животрепещущих вопросов он всегда остается прежде всего художником.

Да, проблематика романов А. Кузьневича многообразна. Под стать этому и образная система, богатый, пластичный язык его книг. А. Кузьневича недаром считают одним из лучших современных польских стилистов.

Возможно, все эти качества и обеспечили успех «трудным» книгам А. Кузьневича у современного читателя — и не только польского. За последние годы его произведения изданы на чешском, словацком, немецком, французском, венгерском, шведском языках. Недавно роман А. Кузьневича «Состояние невесомости» вышел и на русском языке в издательстве «Прогресс».

Роман этот довольно сложен по своей структуре. Его герой — наш современник, прикованный тяжелым недугом к больничной койке. В таком своеобразном «состоянии невесомости» он как бы совершает путешествие в прошлое, проследившая судьбы своей семьи, приобщаясь к некоторым важным событиям польской истории конца XVIII — начала XIX столетий. Так на страницах книги возникает панорама Польши эпохи разделов и наполеоновских войн. При этом судьба героя-рассказчика причудливо переплетается с историей его предков, в частности, с биографией реального исторического персонажа Адама Пони-ньского.

Собственно, с разговора об этом романе и начинается наша беседа с А. Кузьневичем в Варшаве.

— Понравилось ли вам «прогрессовское» издание?

— Безусловно! Поразил меня и его тираж: пятьдесят тысяч. Таким тиражом мои романы еще не издавались. Оценил я, несмотря на недостаточное глубокое знание русского, и вступительную статью А. Ермонского, переводчика романа. Она написана со знанием дела. Тонкая и умная статья.

Очень порадовало меня, что для перевода был выбран именно этот роман. Книга мне особенно близка из-за обстоятельство, в которых она возникла...

— А как, собственно, родился замысел романа «Состояние невесомости»?

— На прошлое я смотрю глазами современника. Я не считаю себя историческим романистом. Просто углубляюсь здесь в историю своих предков. Возникнул роман в специфических условиях. Я лежал в больнице. Состояние у меня было довольно тяжелое. Подчас возникали какие-то воспоминания, иногда на грани реальности и сновидений. В какой-то момент я и в самом деле ощущал себя человеком далекой эпохи, современником своего прадеда, жившего в XVIII веке. Когда мне сделалось несколько лучше, я принялся на клочках бумаги фиксировать отдельные сцены, образы, теснившиеся в голове. Жена, навещавшая меня в больнице, уносила заметки домой. Впоследствии я вернулся к ним, расширил, дополнил. Форма романа с прыжками из прошлого в настоящее родилась, таким образом, как бы сама собой.

— Как вы начинали в литературе: сразу как прозаик, романист?

— Я стал писателем (несколько неожиданно для себя) в том возрасте, когда мечтать всерьез о литературной карьере было поздно. Но я успел накопить немалый жизненный опыт, значительный запас воспоминаний. Таким образом, я вошел в литературу с «багажом», какой молодые писатели вынуждены накапливать годами. Я как бы перескочил через целое литературное поколение, поскольку не успел дебютировать до войны, как мои сверстники.

В молодости я был автомобилистом, участвовал в гонках. По окончании университета, где изучал право, находился на дипломатической службе. На этом поприще меня во Франции и настигла война. Примкнул к движению Сопротивления. Позже арест. Гестаповская тюрьма в Тулузе, затем другие тюрьмы и лагеря. Конец войны встретил в Маутхаузене. Уцелел только чудом: гитлеровцы эвакуировали узников и, полуживых, гнали свыше четырехсот километров. Выжили всего несколько сотен, в том числе и я.

О жизни в фашистском лагере я ничего не писал. Ведь столько уже написано! Впрочем, есть одна сторона лагерной жизни, которой еще не ка-

поляк, примкнувший к французским подпольщикам. Все происходящее только укрепляет «выжидательную философию» героя. Тем самым мне хотелось показать обреченность подобной жизненной позиции: капитулянтство неизбежно приводит к прямому соучастию с оккупантами.

— Вы предпочитаете жанр романа. А пьеса, рассказ — они вас не привлекают?

— Когда-то я начинал как поэт. Выпустил две-три книжки стихов. Но не считал и не считал себя заметным поэтом. В прозе у меня лучше получается. А пьес, да и рассказов я никогда не писал. Моя стихия — роман.

Меня больше занимает кино. Но я предпочел бы быть одновременно сценаристом и режиссером-постановщиком. Я сторонник авторского кинематографа. Впрочем, по моему последнему роману «Урок мертвого языка» режиссер Януш Маевский поставил недавно неплохой фильм. Честно говоря, я не представлял, что роман этот поддается экранизации. Правда, режиссер дописал некоторые эпизоды, но отнесся к тексту романа очень бережно.

— Наибольшей удачей этого вашего романа мне представляется образ главного персонажа, австрийского поручика фон Кёнерица. Эстет, страстный собиратель икон, любящий поговорить о красоте, он вместе с тем возглав-

## Мастер и его мастерская

А. КУСЬНЕВИЧ:

# «МОЯ СТИХИЯ — РОМАН»

сались. В лагере содержались немецкие рецидивисты, уголовники, которые процветали за счет других. Я, скажем, мерз в худой одежде, а этот «владыка жизни» ходил в теплом свитере. И ему казалось, что такой порядок вещей никогда не кончится. После краха фашизма подобные люди почувствовали себя, как рыбы на песке... Возможно, я еще когда-нибудь вернусь к этой теме.

— Кстати, раз уж зашел такой разговор, хочу вас спросить вот о чем. Герой вашего романа «Третье царство» — бывший немецкий антифашист. Гитлеровцы бросили его в лагерь, где он провел всю войну. Чем объяснить, что впоследствии в ФРГ, став адвокатом, герой защищает на процессах нацистских преступников? Что это: измена идеалам юности? Конформизм? Эволюция героя, на мой взгляд, не совсем понятна...

— Конечно, логичнее было бы, если бы в качестве адвоката, защищающего военных преступников, выступал бывший нацист, но в жизни подчас все получается по-иному. Мой герой убеждает себя: такие, как я, и должны защищать. Ведь именно нацисты обращались с нами, как палачи, — у нас защитников не было... Фашистский концлагерь способен был сломить людей и посильнее, чем мой адвокат...

Конечно, герой в какой-то степени конформист. Он и сам чувствует: что-то в его жизненной позиции не в порядке. Недаром его сын Эрнест и друзья сына, хоть они и анархисты, упрекают героя, что он живет не так. Они во многом правы. Это голос молодого поколения, горькие слова правды...

— Долго ли вы вынашивали ваши замыслы?

— По-разному случается. Сначала вещь должна перебродить, как вино в бочке. Например, недавно я закончил роман «Витраж», замысел которого созрел давно. В этой книге (она скоро выйдет в свет) меня занимает вопрос о том, к чему приводит человека позиция нейтралитета.

Мой герой (действие происходит во Франции в 1936—1943 годах) — французский интеллигент, который не желает вмешиваться ни в какие политические события. Когда начинается гражданская война в Испании, он не хочет иметь с ней ничего общего: по его мнению, революция всегда связана с насилием и жертвами. Когда капитулирует Франция, он опять предпочитает оставаться в стороне, а тем временем погибает его племянник-

лял кровавые экзекуции в украинских поселениях в Закарпатье. Он не дрогнув убивает русского военнопленного буквально в день окончания первой мировой войны: ему, видимо, импонирует такая стрельба по живым мишеням. Он невольно чем-то напомнил мне того гитлеровского генерала, который уничтожил Варшаву в 1944 году. В беседе с журналистом К. Конюховским, побывавшим у него в ФРГ, тот тоже восхищался музыкой, растроганно вспоминал, как играл на скрипке что-то возвышенное при свете пылающих варшавских кварталов...

— Да. Я даже напомню вам фамилию генерала: Рейнефарт. Возможно, и есть нечто общее в самом образе мышления моего героя и этого гитлеровца: бездуховность, холодный эстетизм.

— Мне кажется, что существуют два-три периода, в которых вы любите возвращаться. Это период вашего детства и юности, период второй мировой войны.

— Безусловно! Впрочем, к периоду детства охотно обращаются все. Для меня же он дорог еще и тем, что я рос и воспитывался в Галиции, где жили бок о бок разные народы: венгры, австрийцы, поляки, украинцы. Я сам сформировался в этой атмосфере, которую и пытаюсь запечатлеть. Наконец, период последней войны. Я провел его вне Польши, куда вернулся в 1950 году. Но я наблюдал фашистский «новый порядок» во Франции, поэтому проблема разоблачения фашизма продолжает меня волновать, я возвращаюсь к ней и в новом романе, о котором уже говорил.

— А есть ли у вас какой-то изблуженный читатель, и которому вы мысленно адресуетесь, работая над новой книгой?

— Я пишу, естественно, с мыслью о читателях. И поэтому не хочу писать языком, которого никто не понимает. Почему я, собственно, пишу? Привлекает возможность творить, делиться сокровенными мыслями с другими. И я пишу, хотя ни одна из моих вещей меня полностью не удовлетворяет. Бывает, в целой книге получится всего пять-шесть фраз, близких к тому, что хотелось бы выразить, но я уже доволен. Ради таких редких минут, когда удается преодолеть сопротивление языка, добиться необходимой четкости, ясности, стоит заниматься очень нелегким писательским трудом...

Беседу вел С. ЛАРИН, спец. корр. «ЛГ»